

Наш юный ум взлетал, орла смелей,
На небеса и рвался сбить покровы
С предвечных тайн, и креп в борьбе идей
И шаркался о вечные основы,
На коих мир стоит с начала дней:
Так, зуб точа, визжа в веселой злости,
Щенки грызут железо, сталь и кости...

Кто наконец на старости «не покладывал рук», с безнадежностью, смотря вдаль и вздыхая, что «все гибнет!»... Это я говорю о лучших людях, о Дециях; но они окружены волнуемой толпой бесконечного разнообразия. Вглядитесь вы в эту толпу всех эпох истории, вы увидите, что она *везде одна и та же в духе*, разница почти только в костюмах, т. е. чисто внешняя. Таким образом, мне настоящее поясняет минувшее, и наоборот. Раз это поняв, уже облегчишь себе возможность рисовать историческую картину: люди явятся всех величин, видов и званий. И нынешнего старого развратного сановника, балетного завсегдатая и весьма неразборчивого в способах приобретения узнаешь в Публии, беззубом проконсуле, которого дурачит Лезбия; надменного, сухого аристократа, у которого от предков остались только фамильные пороки и имя, который бранит новое только потому, что не ему достается собирать дань с текущей жизни, признаешь в старом Фабии, скряге, скопидоме, вздыхающем о древнем праве, по силе коего он мог бы в рабство себе взять всех своих должников. В этих наших героях *demi monde*'а *, добрых и веселых по природе, остроумных, даже и знакомых с последними словами «науки», при всем том скучающих, и обремененных долгами, истощенных оргиями и наслаждениями и часто готовых на все (как Катилина) для стяжания чести и денег, — разве не узнаете вы в этой бледной толпе юных патрициев, из которых у меня на Дециев пир выхвачены Лелий, Клавдий, мечтающие об отцеубийстве, аплодирующие скептикам-адвокатам, глумящимся над великим жрецом, а втайне, в минуты страха и отчаяния, тихонько, впрочем, друг от друга, приносящие козлят в жертву богам... А этот великий жрец, изблевающий клевету на христиан, что они пьют кровь человеческую? ...А эти адвокаты, Галлус и Гиппарх — знаете, откуда они взялись? Раскрываю Тацита и читаю, в жизни Агриколы, место, где при описании южной Британии, он говорит, что она покрыта уже городами, там есть и театр, и цирк, и бани, и курий, т. е. что она романизировалась, и прибавляет: это многими считается *humanitas* (по нашему в переводе: цивилизация), но что в сущности есть печать рабства. Значит, что же? Этот строгий Тацит, которого наверное зачитывались Фабии, презирает, стало быть, этих вновь цивилизованных-то, и как они не хваляй Рим за его просвещающее и умиротворяющее влияние на народы мира, он все-таки в них видит подлых варваров, презренных *parvenus*! ** Проверяю себя и нахожу, что почти все гуманисты Рима — всё это инородцы, испанцы, галлы, греки. А в Европе кто гуманисты? Кому противны национальные идеи в Германии, Франции, у нас? Кто бойцы новых гуманных идей? Гейне, Берне, Лассаль, Либкнехт... вай мир! их легион!

И так две строчки Тацита озаряют мне внутренность сердец двух половин римской интеллигенции и сразу создают целую сцену, создают Галлуса, Гиппарха, Фабия, Энния, Клавдия, Лелия и все их речи. Значит, лица эти уже во мне были: луч света и они явились...

Эта линия, разделяющая, как я сказал, две половины римской интеллигенции, и есть главный фокус, на который надобно стать, чтобы понять ту и другую сторону и, поняв, изобразить их.

Но обе эти половины осуждены уже историей на смерть, и даже казнь мучительную. И муки уже начались, и палачи — это плод той же разве-

* Полусвета (франц.).

** Выскочек (франц.).